

ственнике,¹ составленная также в XIV в., согласно которой легендарный норвежский княжич Эйрик ездил в Миклагард и был обращен в христианство греческим императором; эта религиозно-приключенческая сага (*et religiøst æventyr*), как характеризует ее Ф. Jónsson,² совершенно лишена исторического основания и представляет собою смешение средневековых сказочных мотивов и книжной учености церковного характера.

4

Если попытаться точно классифицировать рассматриваемые здесь др.-сев. предания, то намеченную общую группу с ее определенно тенденциозной трактовкой скандинавско-византийско-русских отношений, отличающей ее от других, где эти же отношения представляются нам в более реальном историческом освещении, можно подразделить на две подгруппы, относя к первой *OsT* Одда (и Гуннлауга, поскольку мы знаем его недошедшую до нас работу об Олафе), *Kr.* и *Þorv. þ.*, а ко второй — *Finnb.* и *Eir. víðf.*

Общей чертой всей этой группы является, между прочим, то, что здесь не находят никакого отражения догматические раздоры и противоречия между западной и восточной церковью. Обе мирно уживаются, и не только у более ранних авторов, как Одд и автор *Þorv. þ.* (как уже сказано выше — может быть, никто иной, как Гуннлауг, ближайший коллега Одда), но и позже, в произведениях, относимых мною ко второй подгруппе. В отношении первой это объясняется, может быть, тем, что для исландских книжников раздоры между западной и восточной церковью были делом чуждым и далеким, а поэтому не мешали им связывать так или иначе своих героев с Византией, т. е. с центром восточного христианства. В отношении второй, еще менее исторической чем первая, объяснение возможно именно в связи с таким ее характером: для нее далекая Византия является приблизительно тем же, чем Русь и Биармаланд для поздних романтических саг типа *Fornaldarsögur* — отдаленной страной, куда можно переносить

восстановить картину торговой деятельности норманнов на территории восточных славян, подобную той, какую дает Константин Багрянородный относительно «Руси» (*Ῥωσ*). Данное место *Finnb.* едва ли можно рассматривать как единственное в др.-сев. литературе указание на торговлю скандинавов с греками; скорее всего, мы здесь имеем чисто формальный прием повествования, взятый из исторических саг, где самое выражение «*hafa kaupstefnu við landmenn*» является своего рода техническим термином и имеет вполне реальное значение; вероятно, *Finnb.*, если можно так выразиться, скалькировала его. В той категории саг, к которой она относится, стилизация под историческую сагу наблюдается вообще довольно часто.

¹ Flät., I, 29—36.

² Den oldnorr. og oldisl. Litter. Hist., III, 92. 1902.